

Александр Акимов

За Марциалом без билета

Научно-фантастическая повесть

Книга I

Украина, весна 2035 года
Дирижаблепорт Тор-Солёный

2066 – 2004

Аннотация: Жанр - авантюрная повесть. Время и место действия – весна 2035 года (год Кошки), город на востоке Украины. Много лет назад немецкий военный математик Вернер ф.Маннхейм зашифровал голограмму, которая указывает путь к уникальному *MVM Codex U.* (т.наз. Украинскому папирусу). Старинная компьютерная карта попадает в руки местных любителей старины. Однако за древними папирусными свитками уже давно ведут охоту международные корпорации и секретная полиция...

Контакт: Автор будет признателен за отклики, а также предложения по продвижению этого произведения на рынке. Пишите на мейл [zamartialom \[at\] mail.ru](mailto:zamartialom[at]mail.ru)
cell phone/ SMS +38 050 730 40 47

Копирайт: Первое издание – Якутск, Whales&Balloons, 2066 год.
© Текст на русском языке по версии Славоник 2.0/2.1 – Александр Борисович Акимов, 2004. Электронная публикация на сервере www.proza.ru Регистрационное свидетельство №№ 1707130177, 1707130178, 1707130181, 1707130182. Авторские права на опубликованное литературное произведение охраняются законодательством Российской Федерации.

Предупреждение. Это литературный вымысел. Все действующие лица, имена, события, а также географические наименования - выдуманы автором. Совпадения с реальными лицами, фактами, географическими объектами носят чисто случайный характер.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие к PDF-изданию 2009 года	4
Глава 1. Шпитальный – на ЕХІТ Дело было в пятницу, 4 мая 2035 года. Рассказывает Юнга, забегая почти в конец этой книги.	6
Глава 2. Баллун Назад по времени. Четверг, 19 апреля 2035 года. Юнга рассказывает о появлении итальянца Штерчи в провинциальном городе Чарьков.	11
Глава 3. День итальянца Штерчи Вспоминая апрель 2035 года. Юнга рассказывает о подвадках Штерчи	17
Глава 4. Почему же Марциал? Снова апрель 2035 года. Юнга спрашивает своего старшего брата, неужели Марциал писал только о сексе и педерастии, вряд ли этого достаточно для бессмертия.	23
Глава 5. Валерий Марциал. Цинический элемент в эпиграммах. Текст, написанный в городе Чарьков в 1880 году. Возможно, занятия Марциалом были причиной гибели приват-доцента А***.	27
Глава 6. Наши кладоискатели. Глядя на давнишний 2035 год то из 2042-го, то из 2065-го, когда жизнь Юнги уже прожита.	32

Глава 7. Дом моралиста Драка с ветеранами в субботу 21 апреля 2035 года. Штерчи показывает, что он способен не только сочинять истории.	36
Глава 8. Утёр нос полковнику. Два дня спустя после драки. Юнга впервые в жизни ощущает превосходство над стареющим дядюшкой.	42
Глава 9. Штерчи угрожают 24 апреля 2045. Доктор и Юнга пытаются разобрать интригу. Транскрипт телефонного разговора Чарьков-Москва.	47
Глава 10. Эх, на трейлере бы! Полковник мечтает отправиться в странствия.	51
Глава 11. Мне стыдно не знать латынь Юнга рассуждает о том, что же представляют собой пресловутые «привычки порядочного человека».	53
Глава 12. Санчурский сообщает... Юнга, человек девственный, с интересом выписывает для себя общеизвестные сведения о незаметном превращении республики в монархию.	56
Глава 13. Письмо и книги в эпоху Марциала Как выглядит папирусный Украинский кодекс, от которого, по уверениям Полковника, происходит вся русская матерщина?	60
Глава 14. Галлюцинации? Пытаясь разобраться в случившейся с ним истории, Юнга размышляет о галлюциногенах, мистических прозрениях и научных штудиях.	62
Глава 15. Грозовая ночь Поздно вечером в пятницу 4 мая 2035 года. Итальянец Штерчи поочередно слушает воитики и рассказывает свой сценарий исторического фильма	64

Глава 16. На борту дирижабля Штерчи, сбежавший на шаре-прыгуне, подобран дирижабельным корветом.	71
Глава 17. Ладья танайского Харона Фантасмагория на темы истории восточной Украины. 1930-е годы, над землями Роксоланов разносятся строки Марциала.	78
Глава 18. Гибель архивистов Доктор утверждает, что авантюрную историю про сундук мертвеца стоит рассказывать, начиная с тринадцатой колото-резаной раны.	80
Глава 19. Сундук мертвеца На квартире Полковника проводят осмотр извлечённого из подземелий старинного компьютера.	85
Глава 20. Ваши гуруны Штерчи откровенно называет жителей «Дыкого поля» дикарями.	90
Глава 21. Бранный подвиги отца настоятеля Ещё в конце апреля 2035 итальянец Штерчи принялся вовсю пиарить свои сомнительные археологические исследования	93
Глава 22. Курсовой автомат Голограмма из старинного сундука, уверяет Полковник, есть зашифрованная карта сокровищ.	99
Глава 23. Счастье Маннхейма	102

Предисловие к PDF-изданию 2009 года

«...порассуждать о Марциале,
в конце письма поставить VALE»
А.С.Пушкин

Молодая американка Елизавета Дюк (Elizabeth R. Duke) защитила в 2002 году одновременно две диссертации – по математике и по Марциалу. Она пишет на своих веб-страницах: «Многим трудно изучить древне-греческий, латинский, русский языки. Так что же, Гомер, Марциал и Достоевский останутся без читателей? ...Я подробно изучила латынь, чтобы разобраться в кратких стихах Марциала – ближе всего к ним в нашей американской культуре современный рэп.»

А по эту сторону атлантической лужи, в нашей культуре – русской дореволюционной, затем советской, затем постсоветской – что ближе всего к эпиграммам Марциала?

Александр Малеин в 1900 году писал в своей диссертации, оправдывая Марциала и Катулла, что они пользовались языком и понятиями своего времени. Если они употребляют, говорит Малеин, адресуясь к своим античным визави в разгаре тогдашней – античной – литературной дискуссии выражения типа «отсоси, пидар мокрожопый», или же «если не заткнёшься, я тебя опидорашу» – это, дескать, не признак особенной распушенности конкретной личности, Катулла или Марциала. Это повседневный язык реального Рима до-христианской поры, города, пахнущего по выражению Чапыгина, «калом и кровью».

Упомянутый ресурс университета Маршалла, созданный Елизаветой Дюк, «Переводим Марциала» [ref] обращён к

американо-язычной аудитории, и предлагает молодым людям попробовать себя в современном литературном творчестве, в миниатюре типа «новость, пикантная новость, стёб». Этот жанр TWIT (250 знаков по правилам портала TWITTER) особенно вошёл в моду в текущем году 2009. А между тем шлифовал его первым Марк Валерий Марциал, тысяча девятьсот лет тому назад.

Последний раз на русский язык обширный перевод Марциала (большая часть эпиграмм) был выполнен в 30-е...60-е годы прошлого века академиком Ф.Петровским. Переводчик столкнулся с серьёзными возражениями цензуры. С тех пор нормы литературной морали изменились до неузнаваемости. Не попробовать ли в 21-м веке молодой литературной России свои силы на классических шаблонах Марциала, как это советует американская марциалистка-математик?

Именно это «не попробовать ли снова в 21-м веке, нам, русско-говорящим, прочесть в оригинале, перевести, обсудить Марциала» – основная тема повести «За Марциалом без билета». Разумеется, герои повести тут же приняли себя вести, как им заблагорассудится. Г-н Полковник, например, пустился в меркантильные подсчёты. Он не только всерьёз занялся арендой дирижабля (фрахт, страховка, прививки экипажу), он упорно собирает сведения о цене проданных на аукционах раритетов. Он зафиксировал «нотные тетради Бетховена – 5 млн. долл», «иконы 7-го века – 11 млн.долл», даже зачем-то попала в его записи «Ida the fossil – 900 тыс. долл.». При чём тут, спрашивается, окаменевшая обезьянка из немецких болот? Какая лизинговая компания оформит фьючерсную сделку под залог обезьянки, пусть даже ей и четыреста миллионов лет?

Г-н Доктор принялся подсчитывать, пользуясь изданием Teubner [ref], сколько эпиграмм посвящены теме гипогонадизма (spadon) среди римлян.

Александр Акимов * За Марциалом без билета

Юнга же и вовсе не нашёл ничего лучшего, как заняться составлением текста, авантюрной повести, повторяющей классический «Остров сокровищ». Ему, видите ли, захотелось в литературной форме (т.е., бессовестно искажая факты) описать экспедицию, участвовать в которой ему посчастливилось.

Сжатый пересказ (синопсис) По одной из легенд, повесть об археологической экспедиции 2035 года написана не в 2042-м году, как уверяет Юнга, а в 2065-м, т.е. тридцать лет спустя. Изложение грешит пост-модернистской хаотичностью. Надеемся, читателю поможет сжатый пересказ романа (Книги 1-3).

2035 год. Молодой малороссийский провинциал, Роксолан-2, покидает родной город и большого брата-поэта, чтобы принять участие в авантюрной экспедиции на дирижабле "Гадитана". Цель экспедиции - разыскать в горах Центральной Азии, на заминированном и заражённом радиацией полигоне "Мёртвая Гавань", драгоценные папирусные свитки, прижизненное издание скандально известного римского классика Марциала. Роксолан-2 приобретает друзей - дирижабельных "волков воздуха", а также могущественных врагов - агентов международного чёрного рынка историко-культурных ценностей. Он вырывается из тесного мирка обывательских представлений и находит любовь. В результате интриг дирижабельного кока мисс Кэйли под угрозой оказывается "Гадитана" и весь её экипаж.

Публикации начала 21-го века (хакеры-транскроналы).

Полный текст книги первой и третьей «За Марциалом» был опубликован в 2007 году, 13-20 июля году в Рунете на сервере ПРОЗА.РУ [ref], с получением сертификатов на авторские права, – как ТХТ-файлы.

Кроме того, эти же две книги публиковались с января по июль 2007 года на сервере НАРОД.РУ [ref]– как набор HTML-файлов (текст и немного картинок).

Читает ли кто-то эти электронные публикации? Кто-то читает. Статистика чуть ниже.

PDF-версия 19.01.10

Книга I «Тор-Солёный Роксоланы»

Было ещё одно издание – бумажное – в 2004 году. Назовём это перво-издание «макет книги Первой». Это был макет, предусматривающий издание массовое. – Бумага – газетная, обложка – мягкая, формат – удобно лежащийся в ладонь 84x108/32. Объём – страниц 200. Бестселлерное, прямо скажем, издание предусматривалось, 11-м кеглем рубленого шрифта Arial.

Есть такое старинное удовольствие – взять в руки текст, изданный чёрным по белому, на лёгких тёплых листах шелестящей бумаги. Собственно, вся погоня в 2035 году, за старинными свитками Марциала, – вокруг этого человеческого желания держать в руках листы тонкого волокнистого материала, покрытые буквами. Отсюда же и будоражащие героев надежды на аукционную цену этих свитков – почти сорок миллионов долларов. Об этом удовольствии немало писал Марциал. Среди его эпиграмм – несколько десятков, посвящённых книжному делу, книге, заглавной букве, листку бумаги, каламу. Скажем так, материальной технологии сочинительства, изданию, книготорговле и книгочтению. И в те времена любимым развлечением автора была авто-фиксация. Во время письма-сочинительства посмотреть со стороны на себя, сочиняющего-пишущего, и об этом вставить текст в сочиняемый текст.

Текст «За Марциалом» тоже представлялся составителю аккуратно выложенным на удобные для чтения страницы, снабжённым эпиграфами, буквицами, постраничными сносками.

Возьми же этот текст, читательница/читатель, вот он.

VALE!

Kharkovii Roxolanogum,
AD 2009, 9 Nov

ССЫЛКИ

[1]

[2] www.proza.ru, имя автора Александр Акимов

[3] www.akimov2035.narod.ru

[4] Martialis Epigrammaton, Teubner, Leupzig, 1986

СТАТИСТИКА

Summary. The ribald Epigrams by Roman poet Martialis present surprising similarity with the obscene “malespeak” used by the Soviet military and bureaucracy. Hypothetically, in late antiquity Martialis Epigrammaton Libri have been brought to the nomads dwelling north to the Black Sea, currently Ukraine. Futuristic novel describes the treasure hunt for the “porn” papyrus scrolls over the former USSR at the eve of 2000 years from the Martialis birthday.

Глава 1 Шпитальный, на EXIT

Дата: 4. V. 2035 Время: 23.15

Юнга вынес в начало для затравки

Человек, знающий новость – *хабар* – в степи отличается от других, это важный человек.

П. С. Массажетов

Что ты надеешься найти в этом городе?

Ты пишешь стихи? Здесь улицы подметают Вергилии и Горации.

Ты овладел искусством красноречия?

Посчитай, сколько Цицеронов И Гортензиев выпрашивают подачку, пересчитывая последние медяки в своем кармане.

MVM

Жопа. Брат собрал последние силы, его шатало от усталости – и сказал Богу правду как есть. "Бог, Боже, господи, отче наш отец родной иже еси на небеси, ты – жопа". Брат стоял на ковровой дорожке, расстеленной в операционную, прямо к блестящему металлу рычажному столу. Есть в нашей семье такая фамильная традиция. Дед ругал разными словами власти и бога, а также того, кто временно воплощал бога на нашей земле: царя-батюшку, Ленина, Троцкого и товарища Сталина. Отец крыл такими же разными словами сменявших друг друга генеральных секретарей и затем – прези-

дентов. Прадеды, вероятнее всего, практиковали то же. Существенная разница состоит лишь в том, что предыдущие поколения выговаривали это языком, словами русского языка, вполголоса, в домашнем кругу. Алкоголь и заикленность на славянской лексике не давали им возможности подняться выше.

Один-одинешенек брат поднялся на вершину, на Эверест, выше не бывает: шатаясь, стоял он среди миллионов коленопреклоненных ногами на «багрянцем сочащемся»¹ упоительно мягком царском ковре, расстеленном для встречи пришествия. Среди звона колокольного (хорошо известная фаза, «колокольчики», обычно возникает сразу после первых, легких галлюцинаций); в этот раз мощно, с басами, на глубочайшей вибрации гудело; и уже не языком и не словами. Язык уже отговорил последние глоссо-лалии, что-то вроде «брюслиневым календарем кукулло кокулло» (Я находил не раз кое-что в этом роде среди его записей - от строки к строке крупнее, размашистее, затем внизу страницы совсем неразборчиво). Брат говорил теперь уже на языке космоса, прямо из мозга, без переводчиков. Брат всегда был любимцем - в семье, у учителей, у женщин. Сейчас его послание мягко спускали на тормозах по каким-то инстанциям, канцелярски, с опаской: если у них такие отношения, то кто же он тогда сам такой? Пришла подсказка. Какой-то блюдолиз, сидящий слева за плечом, шепнул: «дать энергию». Брат повернулся на каблуках:

«- Есть дать энергию!»

Он вышел в предоперационную. Слесарным инструментом, хладнокровно и красиво, любуясь собой, вскрыл распределительный высоковольтный щит и твёрдо, продуманно, один за другим, среди вспышек короткого замыка-

ния, перемкнул раз-два-три-четыре-пять тяжелые рубильники.

«- Вижу прямо над зданием..., - это были последние слова Гончеге, стрелка-наблюдателя на отсечной позиции в Кузнечном переулке, которые можно было услышать через воки-токи. Могучая помеха короткого замыкания перекрыла всё остальное. Да и последнее «над зданием», пожалуй, смог бы угадать только тот, кто в затихнувшем опустевшем, безлюдном переулке пристально вглядывался бы в ночное небо, затянутое низкими чёрными, быстро летящими облаками. А теперь, когда погас свет во всем нашем заречном районе, и вовсе не нашлось бы упорного наблюдателя, занятого таким бессмысленным делом.

Как раз в это время я с каталкой прохожу мостовой переход. Двадцать шагов по воздуху над Шпитальным переулком. О чёртова архитектура конструктивизма: стекло и бетон, причем стекла заметно больше, чем бетона. Окно на окне и сверху донизу. Стекло до самого пола, иду как голый, как на рентгене, весь просвеченный цепким глазом меткого стрелка. Из старого здания в новый корпус, и моя голова кружится, наверное, сильнее, чем у брата. Этот прозрачный застекленный от потолка до пола коридорчик был для меня первым в жизни прыжком в полную неизвестность, по наитию, без мыслей. Всего лишь час назад я прошел по этому же переходу, насвистывая, из нового корпуса в старый. Итальянец Штерчи исчез из нашего города в эту майскую ночь, многим запомнившуюся ночь урагана.

Вот я уже прошел переход, стою на лестничной площадке, вокруг ночная тягучая тишина больницы. Втолкнул каталку в лифт, нажал кнопку. Лифт пошёл. Что теперь? Как советовал какой-то из местных апостолов аутогенной тренировки, у меня сейчас сердце бьётся где-то сбоку, отдельно, неровным спокойным ритмом сложного стихотворения; у меня мутная усталая голова без определённых мыслей, и, наконец, самое главное, у меня холодные липкие, не дрожащие руки. Я полностью готов к главному, открыть дверь лифта. Казалось очень важным выстроить из всего

¹ – Iam tonsiles tapetes ebrii fuco

Quos concha purpura imbuens venenavit

“Ворсистые ковры напоены краской,

Которую багрянца, словно яд, точит” (перевод М. Л. Гаспарова)

происходящего одно непрерывное, и очень плавное движение. Оно должно было получиться тягучим, в каждом повороте непредсказуемым и непреодолимым. Так мне казалось. Я был очень собран и полностью готов, когда лифт начал останавливаться, когда решетчатый кованный узор пантографа всё медленнее и медленнее скользил перед моими глазами, приближая до полного совмещения точку в конце музыкальной фразы. Эта точка была – гнездо для ключа, и моя рука так же медленно, всё замедляясь, поднималась. Не сфальшивить. Ритм. Лязг. Лязг. Он должен получиться неторопливым, ничего не подозревающим, очень глупым и самонадеянным лязгом спокойно отпираемого лифта. Вот прибыл на конечную площадку молодой дурак, который ничего не подозревает и которого можете без всякого труда, как плюшевую игрушку, взять вы, жестокие наглые позорные лягавые суки, прибывшие в чёрном авто.

«– Вам!» - сказал я про себя, отпер дверь лифта и плавно выдвинул им, стоявшим в полумраке - ногами вперёд – каталку. И вот с неё в разные стороны начали валиться: жуткий муляж «голова-грудь», изображающий освежёванного человека. Одежда, свернутые в подушку. Развешивающиеся простыни, хромированные держалки "гинекологическая операция" с обутыми на них замечательными, забываемыми туфлями итальянца Штерчи. Я услышал, как металлические держалки падают на каменный пол, и моя музыкальная фраза набирала темп, обе руки стягивали двери лифта, его тяжёлые металлические створки. Будто я был гребцом на двухвесельной лодочке, и падал корпусом назад, и, о счастье, правая успела застегнуть их на ключ, пантограф лязгнул, кабина плавно пошла вверх, и только теперь, уже внизу под моими ногами, что-то начало хлопать и я успел увидеть через щель между уходящей бетонной стеной и всплывающим полом кабины, как едва-едва заметно, каждый раз в новом месте, всплывает стальная лист этажной двери под ударами дульной энергии бронебойной пули из пистолета ТТ.

За столом рецепции, в приёмном покое, брат набрал телефон в дежурную часть муниципальной полиции. Он сказал:

«– В здании нового корпуса клиники убийцы. Адрес Шпитальная, четыре».

Дежурный врач уже спешил к нему; он попросил брата закатить рукав и придирчиво осмотрел его вены. В слабом свете аварийного освещения врач смотрел брату в зрачки и, качая головой, с осуждением сказал:

«– Знаешь, братишка... Сходи, что ли за сигаретами».

«– Я не курю».

«– Ты всё же сходи, я очень тебя прошу».

Брат собрал вещи и вышел на улицу. В переулке его что-то ударило по затылку.

Вот, вкратце, при каких обстоятельствах итальянец Штерчи исчез из нашего города - черед пятнадцать дней после своего феерического появления. Пятнадцать дней включили четыре полных съёмочных дня фильма "Роксоланы", растянутых дней погони-поиска (розысков) сокровищ Маннхейма.

Необычные дни.

Незабываемые пятнадцать дней нашего с братом погружения в тайную историю нашего родного города Танайские Броды.

.....

Орёл исчез в глубоком небе
Жуковский

Неброские мускулы итальянца сосредоточились в последнем толчке. Баллун упруго и сильно пошёл вверх, его чёрное тело, медленно вращаясь, скрыло Штерчи. Прочь от погони, в пелену неба, как в ковыль заповедной степи.

«— Вот так! Вот выход! This way!» — подумал я. «И Танайскими струями бых полелеян», записал впоследствии Штерчи в своём блокноте, стилизуясь под изучаемую им старославянскую речь. Плотный газовый слой, покрывающий всю планету, примерно половина кубического километра на одного сиюминутно проживающего человека и человекообразного, постоянно перемещиваясь и перемещаясь, прогреваясь и охлаждаясь, живёт своей жизнью. Вот наконец, девятнадцатилетним балбесом я вдруг ощутил, что существую не в пустоте, а в почти прозрачном газе, который можно грести, за который можно цепляться руками, как только что сделал это Штерчи, на который можно опираться тонкими скользкими крыльями, как невидимый мне, слабо гудящий где-то в темноте аэроплан.

Люфт, воздух-спаситель, доставшийся мне для осмотра, был, по правде сказать, далеко не первого сорта. Был он немного перестоявшимся в эти первые дни мая, полные белого, мучительного для глаз солнечного света, был настоян на пыльце зацветающих растений и пустопорожних прениях политиков с их «европейским выбором». Воздух окраинной нашей страны. Медленный его ток ещё больше замедляется в конструктивистских коробках центральной части нашего приграничного города. И наше заречное предместье, низинка, скрытая холмом Нагорного района, отдалена от последних остатков движущейся где-то в вышине воздушной волны; оно задыхается в испарениях малопроточной и загрязнённой нашей речки. Здесь воздух насыщен запахом тины, пением лягушек, жарким дизельным перегаром тяжёлых тягачей-фура, вползающих в ворота таможенного склада. Ночной разгул прочерчен рассы-

панными из рвущихся мусорных пакетов пустыми бутылками из-под коньяка вперемешку с мечеными кровью шприцами-внутривенками. Отрыжка ночной жизни таможенной конторы, расположенной за забором стройки.

Наутро я опять поднимаюсь сюда на крышу клиники, и буду всматриваться в надгоризонтный эшелон, светлеющий предрассветными красками — загороженный строениями телецентра, Лысой и Холодной горой. В нашей атмосферной заводи, анемичной и пресноводной, я вижу только одно — дорогу в мир. Отбрасывая набок, на стену командирской рубки, на планшет Ш-28, заводские трубы и купола соборов, воображение моё, набирая скорость, стремилось по этому подоблачному слою, из узкой ложбинки придождевых впадин. Оно пробивало тяжёлую инверсию, душившую сверху тёплым одеялом, и я вываливался вверх, вперёд, в настоящий *Люфтмеер*. Передо мной открывается ристалище великолепных побед.

Я всё ещё стою на крыше нового больничного корпуса. Поднятая ладонь с растопыренными пальцами — достаточно, рукой подать. Между пальцами, холодея горячую ночную бессонницу, приятно протекали и струились самые нижние, прибрежные волокна океана. Того самого океана, который омывает собой все континенты и несёт мою «неминуемую славу». Три метра в секунду? Пять? Я почувствовал физическое желание срочно вернуться в номер Штерчи и всмотреться в плохо мной заученную шкалу Бофорта. «Норд-ост ближе к ост, четыре. Так, верно? Облака — стратус? Или кумуло-стратус?».

И опять меня в моём воображении несли душевные волны Хармата через Атлантику, оставляя под собой пустынную пыль. Она оседает на остров Мадейру, в так называемое Море мрака — и воздух вокруг меня становится всё чище и чище, и впереди открываются огромные просторы Амазонских rain-forest.

Именно в мгновения, когда по лестнице катились вниз, сбивая обоих Волкодавов, опустевшие тяжёлые газовые баллоны, у меня зародилась жажда, скрытое желание прочитать её, книгу *Мартья-Лисс Эпиграмматон*. В словаре я нашел старинное слово – мечта. Не знаю, что это за состояние. Наверное, правильно будет сказать – надежда на мечту. Надежда, что будет такое дело и такие обстоятельства, которые осветят, наконец, печальную безнадёжную серость нашей жизни.

Брат успел рассказать мне про воздушный корабль, встречающий – за облаками – в небо сбежавшего итальянца. Быстрый, изящных обводов, узкий воздушный корабль, нешумный дирижабль. И он же, брат, сумел понять, что именно это за сила, которая противостоит нам, ставшим на сторону неуёмного скитальца Штерчи, кто эти люди, готовые на злодеяния. Когда он звонил по телефону, случилось непоправимое. Двое суток после этой ночи брата не могли найти; затем нам сообщили – он в психиатрической клинике.

Вот что делает
жизнь вполне счастливой,
дорогой Марциал,
тебе скажу я:
Не труды и доходы,
а наследство;
Постоянный очаг с
обильным полем,
Благодушие без
тяжб, без скучной
тоги
Тело смолоду крепкое,
здоровье,
Простота в обращении
с друзьями,
Безыскусственный
стол, весёлый ужин,
Ночь без пьянства,
зато и без заботы,
Ложь скромное без
досады нудной.
Сон, в котором вся
ночь как миг проходит.
Коль доволен своим
ты состояньем,
коли смерть не
страшна и не желанна.

М кн.Х эпигр. 47 перевод
Ф.Петровского

V
ITAM:QVAE:FACIANT:BEATIOREM
IVCVNDISSIME:MARTIALIS:HAEC:
SVNT

RES:NON:PARTA:LABORE:
SED:RELICTA
NON:INGRATVS:AGER:
FOCVS:PERENNIS
LIS:NVNQVAM: TOGA:RARA:
MENS:QVIETA
VIRE:INGENVAE:SALVBRE:
CORPVS
PRVDENS:SIMPLICITAS:
PARES:AMICI
CONVICTVS:FACILIS:
SINE:ARTE:MENSA
NOX:NON:EBRIA:SED:SOLVTA:
CVRIS
NON:TRISTIS:TORVS:ET:TAMEN
PVDICVS
SOMNVS:QVI:FACIAT:BREVES:
TENEBRAS
QVOD:SIS:ESSE:VELIS:
NIHILqve:MALIS
SVMMVM:NEC:METVAS:DIEM:
NEC:OPTES

MVM X-47

Глава 2

Баллун Рассказывает будущий Юнга

Баллун (hotair balloon, тепловой шар для увеселительных воздушных прогулок) проплыл над провинциальным городом Танайские Броды, он же Чарьков. Люди с баллуна появились в нашей гостинице через несколько часов, ненадолго. Экспедиция ушла, остался один постоялец. Через несколько дней я узнал, что он хотел бы нанять проводника и помощника для съёмки: старые окопы, несколько безымянных могил, документы в архиве. Пытаюсь изложить предысторию необычных событий той памятной многим ураганной ночи с 4 на 5 мая 2035 года.

.....
Весной, в яркий солнечный день баллун плыл над нашим городом. Многие не видели его. В то время мало кого в нашем городе интересовали метеоры, небесные явления. Воздушные течения, могучие реки холодного воздуха с востока, несут каждый год погоду от Великого Сибирского антициклона по оси Воейкова на Европу. Они прокатывались над нашими склоненными вниз головами. Виды на погоду интересовали исключительно огородников и садоводов, в недавнем прошлом танковых и ракетных инженеров: теперь они заняты выращиванием картофеля, тыкв и абрикосов.

Необыкновенно яркий, разноцветный, полосатый и дольчатый – то ли гигантский цветок, то ли уже созревший плод – уверенно, неторопливо и заинтересованно разгля-

дывало оно нас из лазурной глубины: складки городских холмов, овражки заводских поселков и недавно заблестевшие золотом купола отреставрированных церквей.

«– Вот он, глаз» – сказал брат. Мой брат, Роксолан I (буду в дальнейшем пользоваться именами, которые нам дал приезжий), сменившись с ночного дежурства, перешел наискось переулком от Старого Шпиталя, и остановился на своём любимом месте возле кованой решетки парка. Как всегда, он курил и смотрел в небо. В последние месяцы у него появился этот скользкий, проваливающийся сквозь предметы взгляд. Мой брат, Роксолан I, как раз и увидел баллун апрельским утром. Он бросил папиросу "Беломор". Торопливо взбежав к нам через узенькую лестницу, начинающуюся незаметно, боковой дверкой в подворотне, он выдохнул: «Быстрее!»

Смят и отброшен, как нераскуренная папироса, привычный ход утра. Мы совсем не готовы к появлению брата – кофе ещё не сварен, автомобильчик булочника ещё не остановился под окнами нашего семейного пансиона при больнице, я ещё не сбежал за решётчатым деревянным подносом свежей выпечки. Сидел бы брат себе на парапете паркового ограждения, любовался бы кованой решёткой "нашего маленького летнего сада", как называет его тётушка. Делал бы те заветные, первые, глотки живого утреннего воздуха, о которых мечтает каждый, кому пришлось провести бессонную ночь в больнице. Брат завел этот ритуал. Утром, когда всё вокруг *настоящее*, когда запах земли и деревьев силён и чист, нужно обязательно сидеть на тёсаном камне (эта ограда XIX века, в отличие от многих других, не была подделкой под старину), раскурить папиросу "Беломор-Канал" и найти необыкновенное сравнение. Он-то и придумал "Баллун как глазное яблоко". Не знаю, записал ли он это в свой блокнот, но я запомнил точно. Итак, брат вбежал к нам на кухню и сказал страшным шепотом: «– Быстрее. Быстрее же, он сейчас уплывет. Бросайте всё!»

Мы втроем – брат, мама и я стояли посреди перекрестка – так лучше видно – и смотрели вверх. В прозрачном дон-

ном отверстии круглого паруса-дыни периодически вспыхивал огонь.

«– Нравится тебе мое сравнение? – спросил брат. – Знаешь, как происходит зрительное восприятие: сканирующее движение должно обязательно сопровождаться саккадическим. (Мне это было непонятно). «Сканирующее» – это вот так, как он плавно плывет, будто вдоль книжной строки. А «саккадическое» – это мелкое подрагивание и покачивание, без этого зрение не работает. Вот присмотришься». Я, действительно, увидел мелкие покачивания баллуна вокруг двух осей.

«-- Но он же еще и медленно вращается вокруг вертикальной оси» – сказал я.

«– Да. Человеческий глаз так не может. Так делает глаз ящера».

.....

Мама вытерла платком глаза, и мы поняли, что она тихо плачет, глядя в небо. Она быстро пошла назад, в нашу половину старого больничного корпуса, которая теперь стала чем-то вроде семейной гостиницы и (старое слово) кухмистерской. Здесь останавливались родственники некоторых пациентов, и готовилась еда для "постояльцев" – тех пациентов, которые оплачивали полный пансион в палатах на втором и третьем этаже, выкупленных г-ном Доктором и его женой.

Как мы хотели, чтобы это чудо не прерывалось. Мы надеялись на обязательное продолжение – ведь мы же увидели его, мы его узнали, отдали ему всё наше внимание и надежды. Что ещё можно было сделать? Он скрылся, уплывая в сторону нагорного района, на север.

Мы выпили утренний кофе, не разговаривая друг с другом. В полдень в наш. Второй Шпитальный переулочек въехали три новых чёрных "мерседеса", будто бы в клинике умирал цыганский барон. Один из приехавших, господин в хорошо сшитом костюме, щурил глаза за стеклами очков, вытирал раннюю лысину платочком стоя посреди переулочка. Он прижимал плечом к уху радиотелефон, мобайл-

фон, пытаюсь манипулировать платком и одновременно набирать номер на ещё одном мобайл-фоне. Парадная дверь нашего Старого Шпиталя раскрылась, шоферы «мерседесов» заносили ящики с шампанским, удививший меня большой букет из пластмассовых цветов в художественной плетеной корзине. Затем из авто появились, ласково поддерживая друг друга под локти, уступая один другому дорогу – несколько мужчин с очень красными лицами. Кое-как смогли они пройти в широкие двери Шпиталя, за ними кое-как протиснулись и две дамы в брюках. В сторонке, поглядывая по сторонам, переминался молодой человек со смуглым лицом, в джинсовой куртке, обвешанный фотокамерами и в необыкновенных туфлях – сразу видно, что столичный корреспондент.

Хлопотун-распорядитель, тот самый рано полысевший и потолстевший молодой человек в очках, который первым высадился из кортежа, не дал корреспонденту долго скучать и оглядывать наш облюбованный голубыми переулком. Появившись из клиники через боковую дверь, он несколько мгновений озирался, заглянул зачем-то в подворотню, будто не замечая разыскиваемого, а затем ухватил итальянца Штерчи (а именно им и оказался тот, кого я принял сначала за журналиста) и увлек его в здание.

На первом этаже клиники в зале, служившем для лекций на медицинской кафедре, происходила пресс-конференция, плавно переходящая в обычную слобожанскую пьянку. В этом не было ничего особенно интересного или необычного; а вот рассказ кафедральной лаборантки, будто бы сюда, во Второй Шпитальный переулок, приехали какие-то иностранцы для того, чтобы поселиться именно в пансионе рядом с клиникой, – то есть в нашем пансионе! – казался совершенно невероятным. Разве у этих иностранцев кто-то болен и будет лечиться в нашей клинике? – Нет, у них все здоровы и никто не будет лечиться. А вот тридцать два года назад здесь в реанимации лежал с инфарктом один итальянец (действительно, это было еще при бабушке, я хорошо помню рассказы про этот случай).

«– И что же?»

«– Господа итальянцы рады, что частный пансион, который тогда только появился в Малороссии, до сих пор существует, и здесь те же порядки, что так мило напомнили ему его родину, и это вполне согласуется с их планами». Действительно, по маминым рассказам и фотографиям, здесь ничего не изменилось за последние тридцать лет. Разве что появился большой забор, ограждающий стройку напротив нас, по ту сторону переулочка. Раньше здесь стояло какое-то здание.

.....

В зале раздались аплодисменты, на их фоне прокричал что-то неестественно громким голосом человек-распорядитель, и вскоре захлопали дверцы авто, компания угрузилась и исчезла. Музыканты – кларнетист и скрипач – наскоро допивали водку, зажёвывая горячими пирожками с нашей кухни. Они подхватили футляры со своими инструментами и ушли. Остался только один молодой иностранец, тот самый, которого я принял за корреспондента столичной телевизионной программы, и дама-переводчик. Дама с важным видом что-то выговаривала моей матери, но, впрочем, вскоре ей самой стало не интересно, так как иностранец, оказывается, вполне сносно мог и сам говорить по-русски. Здесь очень кстати появился давешний лысоватый распорядитель. В своем авто он увез и даму-переводчицу, и удивительную корзину с искусственными цветами.

Было уже четыре часа дня, и мне пора заступать на ночное дежурство в клинике. Ночь прошла совершенно ничем не выдающаяся, обычное "холодное" дежурство, всего лишь пять поступивших пациентов, и самый последний – в час ночи. К трем-тридцать-пять операция уже закончилась, и у меня оставался после мытья инструментов почти час сна до пяти-ноль-ноль, когда нужно будет подавать лифт на этажи, и в кабину начнут входить заспанные санитарки с мешками, из которых пахнет пищевыми отходами, гноем

и перевязочным йодом. Я работаю ночным санитаром уже шесть месяцев и вполне освоился с этой работой.

Звенит звонок вызова, я оставляю недопитый чай, кладу в карман халата тяжелый стержневой ключ и бегу к грузовому лифту. Закрываю за собой тяжелую дверь, швыряю в пазах скользящие навстречу друг другу сетчатые пантографы внутренней решетки, дожимаю их до щелчка "есть контакт!" Поехали.

Нельзя сказать, что я совсем забыл о необычном постельце, однако ночь в клинике отодвинула необычное событие, оно стало далеким и нереальным, как сон. Вернувшись в Старый корпус, я сидел за столом в нашей маленькой столовой, перед накрытым завтраком, и меня больше всего занимала мысль, почему мне удается отмыть с лица запах прокуренных штор, который прилип ко мне в ординаторской, где я спал на чужой подушке. Понеслись голоса, и, сопровождаемый моим братом, в столовую вошел незнакомец. Брат направил его к столику в углу, рядом с кабинет-роялем – как же я не обратил внимания, что там уже накрыто на один прибор. Незнакомец ел быстро, и я сразу почувствовал по его манере, что это человек из прошлого, из снов моей бабушки, что-то вроде наших "бывших", как она их описывала. Изредка на мне останавливался внимательный взгляд, устремлённый поверх тарелки, без какого-либо движения прямой спины, прямых плеч и локтей, лежащих ровно, у корпуса. Бабушкины и тетушкины рассказы, в моем раннем детстве, так и рисовали мне сидящего за столом "человека из общества".

Я сейчас понимаю, что именно подобные пустяки, тетушкино воспитание, привычка правильно класть нож и вилку возле тарелки и тому подобное – решило нашу с братом судьбу. Штерчи действительно знал о нашей клинике и гостиничке заранее. Тот итальянец, которого спасали реаниматоры в просторном зале старого корпуса, приходится Штерчи дальним родственником, но не это главное. Брат пересказал мне, из неважного перевода вчерашней со-

провождающей дамы, что есть у Штерчи еще какие-то, более древние причины. Древние причины?

.....

На следующее утро я вошел в номер и вкатил столик с заказанным завтраком. Итальянец поднял глаза от географических карт, расстеленных на столе, попросил откупорить бутылку. «Крымский Херес» – прочитал он вслух. – «Итак, наша научно-кинематографическая экспедиция разделилась, и мои спутники уехали в Крым, снимать места генуэзских поселений и древне-римских постов бенефициариев». (Я не знал, кто такие бенефициарии, но переспросить постеснялся). Он высвободил угол стола, и на этом, свободном от карт месте я поставил маленький подносик, с рюмкой, салфетками, чашкой кофе и булочками. Штерчи показал мундштуком на расстеленную карту. Я узнал знакомые изгибы реки, междуречье от сердца равнины на юг, вниз до самого Меотийского болота. «Это же наша губерния», сообразил я, и непонятно бросилось в глаза выделенное красными чернилами имя РОКСОЛАНЫ.

«– Нужно найти следы, – сказал Штерчи, – сто лет назад, сто пятьдесят километров на юг от вашего города, есть старинная база воздушных кораблей дириджибили, недалеко от древнейшего христианского монастыря. Некоторый родственник, – объяснил Штерчи, – некоторый родственник моей семьи здесь находился в составе итальянского экспедиционного корпуса перед отправкой в Сталинград, позже на десять лет. Во время отступления их расстреляли немецкие фельд-полицейские, где-то здесь, когда они спали в сарае».

Русский язык, на котором говорят у нас в семье, Штерчи вполне понимает, но ему нужен переводчик для общения с "аборидженс" и "мешщчане", сказал Штерчи, объяснив: «попол-рустика, попол-урбана», и мы с братом его вполне устраиваем, «очень хорошо воспитанные молодые люди». Здесь Штерчи сделал одно из своих непонятных мимических движений, должно быть он считал нужным сказать

что-то вежливо-приятное: ему вообще нравится здесь здание, ему нравится тихий район за рекой, он хочет быть как можно дальше от «софистикейтс из вашей мэрии», для его научной работы требуется «менс квиета». Как раз в этом месте итальянец Штерчи произнес одиннадцатистишие многим, кроме меня, известного древнего поэта Мартья-Лисс.

«– Хочешь?» – спросил иностранец, закатывая рукав на левой руке и раскладывая на опустевшем подносе печально знакомый набор – жгут, шприц, ампулы. Привычным движением он закрутил вокруг руки жгут и закусил его концы зубами.

Проконсул возвращает Роксоланам княжеских детей

Тит Плавтий, сын Марка из Аниенской трибы, Сильван Аэйлиан, проконсул Азии, пропреторский легат Мёзии, в указанную провинцию переселил из Задунайских племен более ста тысяч человек с женами и детьми, со знатью и с их царями, нужными ему для взимания с них податей.

Когда большая часть его войска была в Армении, он сумел с оставшимися силами подавить начинавшиеся волнения Сарматов и перевел из-за реки Танаис* на наш берег неких царей. Чтобы склонить [этих царей] на свою сторону, возвратил царям Бастарнов и Роксоланов их сыновей, взятых ранее в плен или захваченных врагами и выданных ему, Римскому легату, Сильвану Аэйлиану.

Из послужного списка римского чиновника, принадлежащего к роду Аэйлианов, легата на землях Меотии.

Танаис (Tanais, is, m) река в Сарматии, ныне р.Дон